

ЗАРЯ

ОРГАН СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

1924 г.

№ 5—6 (28)

3-й год издания

СОДЕРЖАНИЕ:

1. ЮЛИЙ ФЕРДМАН: Памяти Г. В. Плеханова.
2. Р. М. ПЛЕХАНОВА: Последние дни Г. В. Плеханова.
3. В кругу идей Г. В. Плеханова.
4. Факсимилэ Г. В. Плеханова.
5. С. ЗАГОРСКИЙ: Новая Россия и задачи рабочего класса. Статья 2-ая.
6. В. И. ТАЛИН: Факты и иллюзии.
7. П. ПРОТАСОВ: Теория и практика обнищания.
8. НЕСОВЕТСКИЙ ЭКОНОМИСТ: Экономическая проблема Советской России.
9. С. ИНГЕРМАН: Социалисты и „третья“ партия. (Письмо из Америки.)
10. С. М.: Хроника социалистического движения.
11. * * Новая платформа ЦК РСДРП.

Цена в Германии 0,90 зол. м. * Preis in Deutschland 0,90 Goldmark.

Адрес редакции: Berlin W 30, Neue Winterfeldstrasse 39 I.

изо дня в день проводил ту (до сих пор еще мало усвоенную) мысль, что борьба с контр-революцией будет успешна в той мере, в какой будет интенсивна борьба демократии с Лениным. О будущем, предстоящем большевизму, он высказал следующую замечательную мысль: «Кромвелю заметили однажды: за Вас только одна десятая часть нации. — Не беда, — ответил он, — эта десятая часть вооружена и будет господствовать над девятью десятыми. История не оправдала этой уверенности Кромвеля, а, ведь, он не задавался целью организовать социалистический способ производства. Его стремления все больше и больше суживались, становясь чисто династическими»). Стремления большевиков, на самом деле, все более и более суживаются и все более и более сводятся к заботе о сохранении ими своей власти. В Москву они забрались, но едва ли они чувствуют себя в ней лучше, чем Наполеон в 1812 году.

На просветительную деятельность Г. В. Плеханова большевики отвечали ему потоками самых гнусных инсинуаций и клевет. Со времени октябрьского переворота ему ежедневно грозила участь Шингарева и Кокошкина со стороны науськанных большевиками темных людей. Больной, он должен был скрываться, и пережитые им лишения и волнения разрушили организм, который при других обстоятельствах несомненно справился бы с болезнью.

И вот теперь эти люди, на совести которых лежит его смерть, открывают ему памятник, заносят его в число своих учителей. Как понять это?

Нам объяснит это Ленин. В своей книге — «Staat und Revolution» (1918, S. 9) — он говорит: «Учение Маркса испытывает в настоящее время то, что в историческом прошлом часто происходило с учениями революционных мыслителей и вождей освободительной борьбы угнетенных классов. При жизни этих мыслителей господствующие классы подвергали их беспрестанным преследованиям, встречали их учения дикою злобой, бешеной ненавистью и шли на них самыми безудержными походами лжи и клеветы. Но после их смерти делаются попытки превратить их в невинных кумиров, записать их в святцы и уделить их именам некоторую славу для «утешения» и обмана угнетенных классов...»

Точь в точь такую же процедуру проделывают теперь большевики над Г. В. Плехановым. При жизни они преследовали его грязною клеветой и вогнали его в гроб. После смерти они канонизируют его для обмана угнетенных классов, которым дорога его память.

Г. В. Плеханов часто говорил, что при виде того, как большевики контрабандою протаскивают свое учение под флагом Маркса, ему становилось за великое имя обидно. Нам смертельно обидно теперь за великое имя самого Г. В. Плеханова. Но мы твердо знаем, что жизнь восстановит истину и что к тому, не большевицкому, а нерукотворному памятнику, который воздвиг себе сам Г. В. Плеханов, не заростет народная тропа.

Юлий Фердман (Арзаев).

*) Г. В. Плеханов. «Год на Родине», Т. II, стр. 139 и 267.

Последние дни Г. В. Плеханова.

(Отрывок из воспоминаний Р. М. Плехановой).

Розалия Марковна Плеханова любезно предоставила нам одну главу из подготовляемых ею к печати мемуаров о своем покойном муже. Редакция «Зари» считает своим долгом выразить на этом месте свою признательность товарищу Р. Плехановой за разрешение воспроизвести эти глубоко волнующие страницы ее воспоминаний о великом социалисте и основоположнике русской социалдемократии.

Здоровье Георгия Валентиновича ухудшалось с каждым днем. Ночные припадки удушья, исчезнувшие было под влиянием сильных доз дионина, вернулись и сделались мучительно длительными. К препаратам опиума пришлось прибегать с большою осторожностью, так как Г. В. их плохо переносил. В этих случаях всегда приносит облегчение вдыхание кислорода, но его не оказалось в санатории Питкееarvi, в которой мы находились. Нельзя было его достать и в Териоках, отказались выслать его также и из Выборга. В Петрограде у друзей наших был оставлен на хранение железный цилиндр с кислородом, которым мы запаслись еще в Лондоне по пути в Россию, опасаясь осложнений в здравьи Плеханова во время путешествия по морю. Этот цилиндр нам не нужен был ни в Царском Селе, ни во французской больнице. В Финляндии он был бы благодеянием, но, не смотря на мои просьбы, мне не могли его доставить. Таким образом, благодаря господствовавшей разрухе, умирающий Плеханов не мог получить в образцовой санатории того средства, которое в обыкновенное время облегчает последние минуты больных в самых плохеньких земских и городских больницах.

В последние дни, предшествовавшие концу, Плеханов, несмотря на тяжелые ночи, казался бодрым, днем слушал со вниманием чтение, интересовался ходом войны на западном фронте, огорчался отсутствием сведений и газет, и был несказанно рад и счастлив, когда до нас дошли запоздалые и отрывочные устные известия о том, что дела Франции поправляются, немцы вынуждены приостановить свое продвижение к Парижу. — «Франция должна жить, — повторял он, — гибель Франции — это гибель европейской культуры».

Эта бодрость, которая являлась следствием сильной воли Плеханова, вводила в заблуждение наших редких посетителей и самого доктора санатории. В середине мая он все еще был далек от мысли, что Плеханов доживает последние дни.

Но я, не покидавшая его ни на одну минуту и следившая с ужасом и с болью в сердце за уходом дорогой мне жизни, ясно видела, что какая-то сосредоточенность и задумчивость выражается на лице его, что он устремляет взор в пространство, что он уходит от меня. Тя-

жело было мне видеть этот устремленный в пространство взгляд. Я отрывала его от тяжелых дум, спрашивала его, над чем он задумался. И из уклончивых ответов его я заключала, что он подводил итоги своей жизни, припоминал измену друзей, неблагодарность учеников, их отравленные злословием клеветы, малое проникновение его идей в массы, многочисленность сознательного пролетариата... Мне казалось, что перед ним стоял вопрос: Зачем? К чему? Зачем он страдал и мучился всю жизнь? К чему все привело?... Но он охотно отрывался от этих дум и говорил обыкновенно: «ты права, не надо думать, расскажи мне что-нибудь или почитай».

15-го мая рано утром муж проснулся в тоскливой тревоге и воскликнул: «Я задыхаюсь, я умираю!» Я подбежала к нему, приподняла его, освободила его горло от массы густой гнойной слизи. Он вздохнул свободнее, и лицо его приняло более спокойное выражение. Тут же он попросил меня взять карандаш и бумагу, намереваясь немедленно продиктовать детям прощальное письмо. Я послушалась, села, он продиктовал: «Моим детям». Но он был бледен и дышал еще неровно. Находя крайне вредным для него всякое волнение в данную минуту, я уговорила его отложить составление письма. — «Ну хорошо, ты им скажешь, что я их очень любил». — «Да ты им сам лично это скажешь, — успокоила я его, — ты поправишься, вот наступают прекрасные дни, и мы двинемся к ним».

Не знаю, хорошо ли я поступила, стараясь отвлечь Георгия Валентиновича от мысли о смерти, вызывая в нем надежду жить, работать, видеть детей. Мои товарищи и друзья были на меня в претензии за то, что я не привезла в Петроград политического завещания Плеханова, а дети мои были огорчены тем, что я не привезла им прощального письма от отца. Но признаюсь, у меня не хватило духу говорить с ним об этих его предсмертных обязанностях; я старалась, чтобы он как можно меньше чувствовал приближение смерти.

Начиная с 15-го мая, состояние мужа ухудшалось с каждым часом и дело пошло быстрым темпом к трагической развязке.

16-го утром Г. В. меня озадачил вначале, а потом точно тяжелым ударом поразил меня вопросом: Кто мне писал из берлинцев? Слова эти он произнес невнятно, и, когда я переспросила, он попросил карандаш и написал их неровным едва узнаваемым почерком. В этот же день, когда я вошла в комнату после десяти-минутной отлучки, он спросил меня, была ли я у г-жи Мицкевич, и когда я удивилась его вопросу, он спросил меня: «да разве не жили у нас Мицкевичи?» В этот же день Георгий Валентинович принял доктора Ц. за Вандервельде.

Плеханов начал бредить! Нашли сумерки на этот ясный, глубокий ум. Это было невыносимо. Это тяжелее было вынести, чем его физические страдания.

Бред возобновлялся каждый раз, когда Плеханов бывал предоставлен самому себе. Но когда, заметив его взор, устремленный в одну точку, где он видел образы своей больной фантазии, я отвлекала его

к действительности, он говорил: «лучше почитай, или скажи что-нибудь, а то мне все что-то мерещится». Я бралась за книгу, стараясь читать как можно тише и монотоннее или рассказывала ему что-нибудь тихим голосом в надежде, что он успокоится и заснет. Но Г. В. и в эти часы относился серьезно к чтению, требовал, чтобы я читала внятно и прекрасно следил за содержанием читанного. Эта двойственность, эта борьба сильного, здорового мозга с наступающим шквалом болезни трогала меня до глубины души, мучила меня до терзания. Способность сосредотачиваться при чтении Плеханов сохранил до кануна смерти.

Бред его был полон интереса и содержания. Ему являлись «берлинцы», т. е. бывшие друзья, изменившие Интернационалу, и германский пролетариат, успехами которого он гордился, на которого он когда-то возлагал светлые надежды, как на инициатора устройства будущего, и который изменил социализму, проникся империалистическими идеалами. Плеханов глубоко страдал от этих изменений и мысли о них питали его бред.

Раз утром Г. В. сказал мне с глубокой грустью: «а русских гонят из Украины!» Я успокоила его, уверив, что это не соответствует действительности, что, наоборот, движение народа скорее направлено в сторону объединения на общих великоруссам и малороссам интересах. Украину Плеханов горячо любил, любил ее природу, ее народ, ее песни, считал ее неотделимой частью России, а разрыв между этими двумя сестрами находил губительным для развития каждой в отдельности и для организации в будущем сильной социалистической партии пролетариата. В бреду, как и на яву, он защищал эти любимые, дорогие ему идеи от каких-то ставших перед его глазами врагов. Дней за шесть до кончины, после легкого обеда, он заснул, казалось, спокойно, но, открыв глаза, начал говорить что-то страстным шопотом. Глаза у него горели гневом и... и вдруг, сделав энергический жест рукой, он громко сказал: «пусть не признают моей деятельности, я им задам!» Уверенность в правоте своей, в правоте дела, которому он отдал жизнь, из-за которого перетерпел скитания, долгое изгнание, долгую мучительную болезнь...

Здесь я позволю себе сделать маленькое отступление.

После смерти Плеханова, на которую с таким глубоким сочувствием отзывались все слои русского общества, я и Лев Григорьевич Дейч были приглашены на организованное народными социалистами собрание, посвященное его памяти. Были произнесены прекрасные, глубоко тронувшие меня речи, тронувшие тем более, что они были произнесены людьми, с которыми покойный сломал не одну шпагу в идейной борьбе. В одной из речей, произнесенной уважаемым В. В. Водовозовым, говорилось о разочаровании Плеханова в пролетариате, разочаровании, которое, как мне казалось (я, к сожалению, пришла к концу этих речей), оратор находил логическим следствием ложной теоретической позиции Плеханова, позиции социал-демократа. Считаю своей обязанностью

сказать здесь, что Плеханов не был разочарован и не потерял веры ни в русский, ни в западный пролетариат.

Успех Ленинского анархо-синдикализма он объяснял недостаточной сознательностью пролетариата, с одной стороны, и народными страданиями и неудовлетворенностью, с другой. Он рассматривал русскую революцию (Ленинского периода) как эпилог 61-го года. Солдату-крестьянину сулили землю. Он все бросил и побежал в деревню. На деморализации солдата - крестьянина был основан большевицкий переворот. Пролетарское движение в России было еще молодо и слабо, и сбить пролетариат с толку талантливым ученикам *не Маркса, а Бакунина*, какими явились Ленин и Троцкий и их приспешники, было не трудно. Но Плеханов верил, что здоровые силы нашего пролетариата возьмут верх и что в будущем он займет почетное место в рядах Интернационала.

Кó времени появления бреда у моего больного произошло новое осложнение в его болезни: появление флебита правой ноги. Осложнение это было признаком крайне тяжелого состояния болезни. Я опять настаивала на консультации.

После трехдневного ожидания явился к нам известный профессор Гельсингфоргского университета, Талквист. Осмотрев мужа, он нашел состояние его безнадежным, сердце плохо работающим. Советовал продолжать впрыскивания камфоры и кофеина и на ночь прибавлять, как мы это делали до сих пор, небольшие дозы морфия с камфорой против припадков удушья. На мой вопрос, сколько времени, по его мнению, может еще продлиться жизнь мужа, профессор ответил, что в таком состоянии он может прожить еще два месяца. Я не верила своим ушам. Мне казалось, что друг мой уходит от меня большими шагами, я с ужасом видела приближение конца, и вдруг оказывается, что передо мной еще целых два месяца. Надежда опять вернулась ко мне. Два месяца! За это время можно еще спасти его. Я созову еще консилиум. Но на этот раз, как и ранее, характер и сила воли Плеханова обманули ученого профессора. Георгий Валентинович казался бодрым, отвечал на вопросы, расспрашивал о новостях, и в голове профессора создалось впечатление, что больной хотя и безнадежен, но еще может протянуть.

Профессор был у нас около 20-мая. Температура перед этим еще начала понижаться и держалась все время до 30-мая на небольшой высоте. Но в состоянии больного не происходило параллельного улучшения, силы заметно слабели, несмотря на то, что я старалась его питать и несмотря на впрыскивания больших доз камфоры и кофеина. Удушья не прекращались ночью, но были менее продолжительны и менее мучительны, бред же не прекращался, явились даже галлюцинации зрения. Раз он сказал, что видит сидящие греческие статуи на дереве, другой раз, что в ногах его постели сидят три парки с ножницами, готовые перерезать нить его жизни.

28-го мая утром после припадка удушья у Г. В. было такое страдальческое, измученное лицо, что я не могла смотреть на него без

слез и, не смотря на все мои усилия, они брызнули из моих глаз. Г. В. сделал мне строгий, заслуженный выговор: «что ты, Роза, как тебе не стыдно! мы с тобою старые революционеры и должны быть тверды, вот как!» При этом он согнул в кулак свою слабую дрожащую руку.

29-го мая в состоянии моего друга произошло маленькое улучшение. Он не бредил, охотно глотал жидкую пищу, но был слаб и сон его одолевал. Ночь с 29-го на 30-ое была относительно не дурна. Не было ни припадка кашля, ни последующего удушья. В шесть часов утра он проснулся, испытывая большую жажду. Выпил почти залпом стакан теплого чая с молоком и сказал: «c'est délicieux!» с таким ясным, отчетливым произношением, что поразил меня и обрадовал. Последние два дня он говорил с трудом по утрам из-за накопившихся за ночь отделений из бронхов и приходил в себя только после тщательного туалета зубов, десен, языка. Пульс до впрыскивания камфоры был немного частый, но полный, сильный. Это совпало с высокой давно не бывшей у него утренней температурой (39°), но самочувствие было недурное, он был в полном сознании, хорошо вынес утренний туалет, который я ему сделала при помощи садовника, заменявшего санитаря. Жившая эти дни без надежды, я начала опять надеяться и встретивший меня в коридоре сестре милосердия с радостью сообщила, что сегодня Плеханову горздо лучше. Мое настроение все утро было радостное, приподнятое, на меня нашла какая-то странная слепота. Муж дремал после туалета, а я вышла в смежную комнату, где ждала моих распоряжений моя знакомая, г-жа Эмерих, которая продолжала приходить ко мне ежедневно на несколько часов, а иногда заходила к мужу на полчаса или час, чтобы меня заменить. Попросив г-жу Эмерих приняться за еду, не дожидаясь меня, я вернулась к мужу, чтобы дать ему напиток. Я застала его в забытии и на мое предложение выпить чего-нибудь, он совершенно отчетливо спросил меня: «разве уже пора? Кажется, ты мне давала напиток четверть часа тому назад». Я сказала: «нет, прошло уже два часа». — «Ну хорошо, в таком случае давай». Я подала ему маленький стаканчик чаю с молоком. Едва вобрав ложку жидкости, он всплеснул руками, вскрикнул: «О! О!» Тотчас же начались конвульсии лица и левой руки, и дыхание остановилось. Обезумевшая, я начала звать, стучать в стену, звала г-жу Эмерих. Она не откликнулась несколько секунд, но эти секунды мне показались вечностью. Немедленно позван был доктор, сиделки. А пока я, уверенная, что Плеханов задохся от глотка, начала делать ему искусственное дыхание, ритмическое втягивание и вытягивание языка. Плеханов вздохнул еще раз — два. Лицо покрылось смертельной бледностью, и когда доктор пришел минуты через три, сердце перестало биться.

Р. М. Плеханова.